

Валерий ТИШКОВ

*директор Института этнологии и антропологии РАН,
член-корреспондент РАН, член Общественной палаты РФ*

Культура толерантности в России*

В Российской Федерации, проживает сложное по этническому и религиозному составу население. В ряде регионов страны имеют место межэтническая напряженность и сложная религиозная ситуация. Конфликты и нетерпимость на этой почве стали причиной многих гуманитарных бедствий и растущей среди населения ксенофобии в отношении этнических и расовых меньшинств, вынужденных мигрантов и иностранных граждан. Межэтнические противоречия и нетерпимость являются одним из основных препятствий на пути утверждения демократических порядков в России, осуществления социально-экономических преобразований и достижения гражданского согласия и мира. Имеют место прямые нарушения международных норм и обязательств России по части соблюдения и обеспечения прав меньшинств и вынужденных мигрантов. Все это обуславливает необходимость особых усилий общества и государства по утверждению культуры толерантности и этноконфессионального согласия.

Межэтнический и межрелигиозный диалог должен вестись через следующие основные сферы:

- органы государственной власти и управления;
- образование и воспитание;
- средства массовой информации;
- общественные организации и другие институты гражданского общества;

—научные исследования и прикладной мониторинг. Каждому у программы «Культура мира» (коллективу или отдельному лицу) необходимо прежде всего определить свое место и возможности работы по одному или нескольким из этих направлений, в зависимости от своей профессии, служебного положения и той конкретной ситуации, в которой он пребывает. Однако есть общие принципы и установки, которыми следует руководствоваться в данной работе:

- в России издавна проживают представители разных национальностей и различных религиозных убеждений, которые пользуются одинаковыми гражданскими правами и свободами, в том числе правом сохранять и развивать собственную культуру и исповедовать разные религиозные верования;

* Из кн.: Малькова В.К., Тишков В.А. Этничность и толерантность в средствах массовой информации. М., 2002.

— межэтническое согласие и сотрудничество являются нормой и глубокой традицией населения (страны, которые обеспечивают ее существование и развитие);

— нет больших и малых культур, как и нет природного неравенства представителей разных рас, национальностей и религий; неравенство и дискриминация порождаются социальными и политическими условиями, а нетерпимость и конфликты являются следствием неправильного воспитания, идеологического воздействия и политической мобилизации;

— граждане России имеют гораздо больше общих историко-культурных ценностей и общественно-политических установок, чем различий на основе религии и этнической принадлежности;

— напряженность и конфликты возникают там, где неблагоприятная социально-экономическая обстановка соединяется с плохим управлением и когда политики и безответственные общественные активисты используют этнический и религиозный факторы для достижения власти и собственного благополучия;

— ксенофобия и негативные стереотипы бытуют среди разных категорий людей, и они могут носить устойчивый и массовый характер, но есть пути и меры, которые позволяют не допускать или устранять эти явления;

— образование в духе культурной и религиозной терпимости является основополагающим средством утверждения в обществе культуры мира и согласия;

— государство, его общественное устройство и политика могут создавать институты и климат неравенства и дискриминации, но государство обладает и всеми средствами обеспечивать межэтническое согласие, и только оно имеет право применять силу для противодействия разжиганию розни и проявлениям насилия;

— общественно-политическое устройство Российской Федерации, в том числе ее Конституция и другие законы, обеспечивают возможности для национального равноправия и самоопределения народов в разных формах, а также для религиозных свобод и церковной деятельности;

— в утверждении благоприятного климата межэтнических отношений важную роль играют средства массовой информации, профессиональная культура и литература, но через них же могут насаждаться и распространяться предубеждения и ненависть, а также слухи и призывы, которые могут приводить к конфликтам;

— нетерпимость, рознь и конфликты не носят необратимый характер, и они могут устраняться и разрешаться целенаправленными усилиями в достаточно короткое время.

Руководствуясь этими принципами, многое могут сделать различные институты, организации и отдельные люди, а именно:

По линии органов государственной власти и управления:

— строго и последовательно обеспечивать конституционные права и законы, гарантирующие равенство граждан любой расы и национальности и свободу вероисповедания;

— разработать и принять в России новые федеральные и региональные законы и другие правовые акты в данной области, ратифицировать и соблюдать международные правовые нормы и специальные декларации;

— соблюдать представительство на всех уровнях власти граждан различных национальностей, учитывать интересы и права народов и местных этнокультурных общин в проведении социально-экономической и информационно-образовательной политики;

— организовать специальную подготовку государственных служащих, в том числе и работников органов правопорядка, в области культуры межэтнических отношений, обучить их методам борьбы с проявлениями групповой напряженности и конфликтов;

— утвердить в государственной идеологии и символике общероссийские гражданские и исторические «культурные ценности и продемонстрировать многокультурную природу российского государства;

— осуществить государственные программы поддержки малых культур и языков и защиты меньшинств наряду с программами развития русского языка и общероссийской культуры на всей территории страны;

— в судебном порядке преследовать лиц, группы и организации, проповедующие нетерпимость и насилие или осуществляющие акты насилия по этническому или религиозному принципу;

— создать специальные государственно-общественные системы мониторинга среды межэтнических отношений и активизировать деятельность Комиссии при Президенте РФ по борьбе с общественно-политическим экстремизмом, а также института Уполномоченного по правам человека;

— осуществлять защиту вынужденных мигрантов и беженцев, устранять бюрократический произвол в процедурах регистрации по месту жительства и отменить противозаконные акты региональных и местных властей в отношении этой категории населения.

В сфере образования и воспитания:

— устранять из учебников этноцентрические версии истории и культуры; а также устаревшие этнонационалистические и расистские интерпретации и взгляды;

— утверждать в школьной и вузовской системах образования доктрину многокультурности вместо устаревшей и разъединяющей концепции так называемой национальной школы;

— организовать курсы по народоведению и по истории религий, а также преподавание истории межкультурных взаимодействий и сотрудничества наряду с историей массовых геноцидов и преступлений против «иноверцев» и «инородцев»;

— проводить специальную аттестацию школьных учителей и вузовских преподавателей на предмет их собственных знаний и убеждений в вопросах межэтнического и межрелигиозного диалога и установок на культуру мира;

— необходима воспитательная и просветительская работа с родителями и другим взрослым населением о принципах поведения в вопросах веротерпимости и согласия, в том числе в отношениях с детьми и подростками;

— реагировать на случаи проявления среди детей и молодежи негативных стереотипов, межэтнической розни и личностного унижения представителей других национальностей и расового облика;

— пресекать деятельность и запрещать символику ультра-националистических и неонацистских групп и организаций в школах и вузах;

— индивидуально работать с теми, кто вовлечен в деятельность подобных групп или разделяет подобные взгляды, в том числе и прежде всего с молодежными активистами ультра-националистических групп;

— расширять для школьников и студентов экскурсионно-туристическую деятельность для углубления их знаний о стране и ее народах;

— развивать художественную самодеятельность на основе различных народных традиций и культурного наследия;

— специалистам и государственным органам образования разрабатывать школьные методические рекомендации, создавать особые курсы для учителей и родителей с целью прививать школьникам негативное отношение к оружию и насилию, не разрушая при этом основ патриотического воспитания, которое включает уважение к армии и милиции.

В сфере средств массовой информации:

— расширять, сеть теле- и радиовещания и номенклатуры передач для более полного и адекватного отражения культурной мозаики России, проблем межэтнических отношений и межконфессионального диалога;

— создать общероссийский телеканал и радиостанцию для вещания на языках народов России и передач, организуемых национально-культурными объединениями и республиканскими журналистами;

— осуществлять регулярные экспертизы печатных изданий с выявления газет и других публикаций, проповедующих расовую, этническую и религиозную вражду и ненависть и призывающих к насилию;

— включить в систему журналистской подготовки курсы по и традициям народов России и мира, на которых объяснить принципы освещения этнокультурных вопросов, религиозных тем и конфликтов;

— совместно с учеными-специалистами разработать этический кодекс журналиста, работающего в данной области;

— не допускать к телеэффиру и к периодическим печатным изданиям политических лидеров и общественных активистов, которые исповедуют националистические и неонацистские взгляды, а также широкой трансляции их прямых высказываний и призывов;

— снижать в публичных дебатах значимость этнокультурных различий российских граждан, их «цивилизационной» несовместимости и «исторических несправедливостей», якобы причиненных одним народом другому;

— порицать журналистов и других авторов, исповедующих от имени самозванных этнических предпринимателей («вождей народов» или «лидеров мусульман») этнографический романтизм и энтузиазм разрушения России как «мини-империи» под лозунгом этнического самоопределения;

— более критически реагировать на зарубежные СМИ, особенно специальные передачи и издания на Россию, в которых основной установкой является нелегитимность многоэтничного российского государства и отвергается общероссийская общность в пользу этнического партикуляризма и сепаратизма;

— расширять религиозные передачи миротворческого направления, в том числе с одновременным и постоянным участием представителей разных религий.

*По линии общественных организаций и других институтов
гражданского общества:*

— политическим партиям и движениям иметь в своих программах сформулированные на основе конституционности и общественной значимости принципы и позиции по вопросам межэтнических отношений и отношения к религии;

— создавать неправительственные организации и объединения, которые специально занимаются миротворческой деятельностью, гражданским служением делу мира и согласия, созданием «зон мира» и налаживанием диалога в районах, пострадавших от конфликтов;

— религиозным обществам и организациям расширить свою деятельность среди всех категорий населения (не только верующих) по предотвращению насилия и конфликтов в обществе, среди пострадавших от насилия или подвергающихся дискриминации, а также среди тех, кто подвержен ксенофобии и ультрарадикальным идеологиям;

— более оперативно реагировать на уровне небольших проектов и программ, которые достигают прямого контакта с людьми, с тем числом противоборствующими сторонами в конфликтных ситуациях;

— осуществлять демократический контроль за лидерами и активистами и воздействовать на тех, кто разрушает согласие и мир и провоцирует конфликты;

— создавать местные «комитеты (или комиссии) мира», которые возьмут на себя работу по снижению предубеждений и предрассудков среди части населения, особенно в отношении представителей этнических и религиозных меньшинств;

— создавать школьные, общинные, районные, городские комиссии или комитеты, которые следили бы за чистотой среды межэтнических отношений и своевременно реагировали на неблагополучные ситуации;

— привлекать общинных лидеров, старейшин, авторитетных граждан к процессам выхода из глубоких конфликтов, в том числе и к переговорам в качестве представителей «дипломатии второго уровня», а также в качестве гарантов соблюдения и выполнения достигнутых соглашений;

— создавать коалиции и устанавливать связи с аналогичными неправительственными организациями в других странах мира и с международными организациями с целью использования позитивного опыта и привлечения средств.

В области научных исследований и прикладного, мониторинга:

— наладить подготовку специалистов и осуществление научных исследований по проблемам мира и толерантности, насилия и конфликтов, в том числе в рамках таких дисциплин, как социальная психология, этнология, социология, политология и история;

— создать центры и исследовательские группы междисциплинарного характера, а также наладить издание специальных журналов, серийных публикаций и методической литературы по проблемам мира и конфликтов, рассчитанных как на специалистов, так и на более широкую аудиторию;

— показать несостоятельность и общественный вред, а также преступный характер идеологий, программ и действий, которые заключают в себе ненависть и вражду к людям других рас, национальностей и вероисповеданий;

— установить глубинные причины и природу нетерпимости и конфликтов и наиболее эффективные средства их предотвращения и разрешения;

— создать атмосферу осуждения тех коллег, кто своими трудами и другой деятельностью способствует обоснованию расистских и националистических взглядов среди населения, а также симпатизирует разрушителям общественного порядка и конституционно-правовых основ государства;

— научным работникам создавать неформальные сети и организационные структуры для осуществления мониторинга состояния общественного мнения, межэтнических отношений, деятельности политических, общественных и религиозных организации с целью выявления кризисных ситуаций и выработки прикладных рекомендаций;

— больше использовать печать, радио и телевидение для изложения

современных положений науки о роли и значении различных культурных традиций и межкультурного диалога.

*Несколько простых истин для налаживания межэтнического
и межконфессионального согласия в рамках программы
«Культура мира» в России*

- Толерантность — это не когда жители города или села спокойно относятся к строительству мечети или синагоги недалеко от православного храма, а когда они все вместе помогают построить новый храм представителям другой веры.

- Отдельный человек может терпимо относиться к близким и друзьям любой веры и национальности, но быть ксенофобом и расистом в более широкой общественной среде (на работе, в политике, в творчестве).

- Терпимость и уважение к другой культуре выражаются не в отсутствии к ней негативного отношения, а в стремлении ее познать и заимствовать все ценное и полезное.

- Установка на диалог и согласие дается труднее, чем отторжение и вражда, которые не способствуют развитию личности демонстрируют узкий кругозор и невежество.

- Ксенофобия и нетерпимость свойственны людям не только ограниченным и плохо образованным, но порой и самым просвещенным, объясняющим свои взгляды и действия более изощренными аргументами.

- В демократических обществах могут быть самые различные проявления нетерпимости, и задача государства и общества не допускать их крайних, в том числе насильственных форм, которые подрывают общественный порядок и основы государственности.

- С противниками мира и сторонниками насилия следует бороться не только методами публичных кампаний осуждения, но и другими, не менее эффективными методами: отказом в публичности, судебными преследованиями, просвещением и включением их в существующие системы институтов власти и гражданского общества. Нетерпимость к нетерпимости может порождать новую нетерпимость и плодить ее новых сторонников. Важнее видеть человека в человеконенавистнике и постараться воздействовать на его взгляды и поведение.

- Работа по налаживанию межэтнического согласия и предотвращению конфликтов требует самоотдачи и добрых человеческих качеств, но она может быть результативной, если делается сообща и при поддержке государства.

- Сильная власть и благополучная жизнь не гарантируют мир и согласие, а конфликты между представителями элит бывают чаще и сильнее, чем между простыми людьми, но порядок и благополучие дают больше возможности избежать нетерпимости, насилия и конфликтов.

* * *

Церкви и мечети строят в дни мира, а не в дни войны¹

Есть некоторые вещи, которые для науки достаточно ясны и тривиальны, но которые, порой, терзают политиков и людей не всегда посвященных в научную экспертизу. Помню, несколько лет назад была такая дискуссия среди руководителей правительства Москвы: является ли Москва многонациональным мегаполисом или это моноэтнический город? Действительно, если 80 или 90 процентов жителей – русские, то можно ли город называть многонациональным?

Нет никаких сомнений в том, что все города мира, особенно крупные, многоэтничны, многокультурны и многоконфессиональны. Я не знаю таких городов, которые бы в этом отношении представляли собой гомогенное целое с точки зрения культуры. Это не только особенность сегодняшнего дня. Второе извечное заблуждение касается того, что крупные города представляются сосредоточием ненависти, межрасовой и межрелигиозной, что ведет к невозможности мирного сосуществования. Я помню, как один мой коллега американец пытался доказать, найдя какие-то цитаты из дневников, из воспоминаний о том, что Сараево всегда было местом, где ненависть звучала в колоколах церквей или в голосе муэдзина. На самом деле, всегда можно найти какие-то сноски в документах или свидетельства очевидцев, которые подтверждают эту позицию, но, тем не менее, не будем забывать, что доказательств того, что основная история складывается в крупных городах из мирного сотрудничества многоэтничного населения – это факт на всех этапах истории. Иначе не были бы построены ни церкви, ни эти мечети, не были бы построены сами города, ибо они могут возникать только в дни мира, а не в дни войны и вражды.

Сам факт существования, процветания, сосредоточения грандиозных исторических, культурных, технологических ценностей в крупных городах говорит в пользу того, что это есть результат и доказательство мирного сожительства, сотрудничества людей разных культур, разных верований, разных традиций. Более яркого тому подтверждения найти трудно. Естественно, что и Москва с момента своего зарождения всегда была таким сосредоточием, перекрестком и диалогом культур. Почему? Потому что мегаполисы (в отличие от сельских поселений, где население занято в аграрной экономике и их пространственная подвижность, мобильность, их потребности принципиально другие) основаны на обмене, на торговле, на контактах, на открытости и на мобильности населения. Одно это говорит о

¹ Из доклада «Мировые мегаполисы и проблемы межэтнического и межрелигиозного согласия» на «круглом столе» в Институте этнологии и антропологии РАН «Поиск путей совершенствования толерантной деятельности московских СМИ» 26 декабря 2005 года.

том, что города не могут быть монокультурными. Кроме того, города – это большие поселения, тем более, я говорю о мегаполисах, в отличие от изолированных общин или небольших по размеру сельских поселений. Если в маленьких общинах, в деревнях, действуют некие табу на брачные контакты, чтобы избежать кровосмешения, чтобы сохранить здоровье людей и считается предпочтительным находить брачных партнеров как минимум из соседних деревень, но не из своей деревни, то в мегаполисах всегда есть такое смешение, не только **пространственное**, но и непосредственно **физическое** смешение людей разных культур, разной крови. Таким образом, смешанные браки, наличие смешанного населения – еще одна особенность всех мегаполисов.

Третий миф в том, что города, мегаполисы, состоят из народов. Почитайте сводки: «в нашей Москве проживает 100 наций и народностей», «в нашей префектуре, районе, в нашей школе учится 50 народов» и т.д. В Москве живет один народ – российский. По своему составу многонациональный, многоэтничный, многорелигиозный, и, наверное, нет не только ни одной префектуры, ни одной школы, ни одного класса, где бы были люди одной национальности и одного даже физического фенотипа. Ясно, что значительная численность населения мегаполисов – это потомки смешанных семей.

Вся наша социология, этнография исходили из того, что у человека может быть только одна национальность. Во всех наших опросниках мы обычно опрашиваем русских, татар, азербайджанцев, но хотя бы один вопрос мы задали человеку смешанного происхождения? Такого нет в наших опросниках, в нашем представлении, мы о них не знаем. Такие люди нам не интересны или мы не хотим о них знать? Мы следуем старой советской процедуре, что у человека должна быть одна национальность: он должен быть или только татарин, или только евреем, или только русским и никем другим. Мы как бы упрощаем ситуацию, которая существует в стране, в городах, тем более в крупных городах. И вот эта культурная сложность на уровне отдельного человека упускается из виду. А ведь значительная часть населения представляет собой людей, которые живут в двух, трех, нескольких культурных традициях, достаточно счастливо для себя и с пользой для своего личного преуспевания. Не говоря уже о том, что они просто обязаны испытать лояльность, привязанность к языку, культуре своей матери и своего отца, если так случилось, что они – люди разных культур, разной национальности и даже, может быть, люди разных религиозных убеждений.

Еще один миф, который существует и по поводу которого мне хотелось бы высказаться, состоит в том, что якобы в человеке его этничность, его культура, его собственная идентичность построена на культурной оппозиции «я–они» или «мы–они», и для того, чтобы быть русским, надо себя противопоставить татарину или еврею. Эта простенькая структурная бинарная оппозиция представляет рудимент структурализма, который наше мировое общественное сознание уже лет двадцать

как более менее изжило. Мы говорим сегодня о том, что для того, чтобы человеку себя как-то идентифицировать и утвердить, ему не нужно себя кому-то противопоставлять, тем более в негативном плане. Этничность осуществляется в результате взаимодействия человека с носителями определенной культуры или группы, в которой он состоит, в результате фундаментального взаимодействия с любыми другими системами, группами или институтами. Это не обязательно должен быть другой народ, это может быть государство, например. Чеченцы утвердили свою идентичность с начала войны не потому, что они противопоставляли себя русским, а потому, что их бомбили самолеты федеральной армии. Люди начинают чувствовать себя хорошо или плохо от того, что их каждый раз могут останавливать в метро и напоминать, заглядывая в паспорт, что они таджики или выходцы с Северного Кавказа. Для этого им не нужно противопоставление «мы–они». Поэтому утверждение, что человек – носитель той или иной культуры, этничности – запрограммирован на противопоставление, которое имеет негативный оттенок «к своим относятся лучше, чем к другим» – постулат нашей науки – очень сомнителен.

Конечно, солидарность легче выстраивать с людьми, которые говорят на одном языке, соплеменники или люди сходной культуры легче выстраивают отношения. Но, тем не менее, люди выстраивают свои коалиции солидарности, легко пересекая этнические и другие границы, и строят свою солидарность на основе интереса, будь-то меркантильного, будь-то идеологизированного и т.д. Не зря родилась мысль, что преступность не знает национальности. Поэтому здесь имеет место смесь разных мотивов, а вывод, что этнический фактор является основой коалиции и солидарности – очень уязвим. Это может быть так, если мы берем малые субгомогенные сообщества, деревни, где территориальная солидарность обусловлена еще и тем, что люди здесь живут вместе, что они – единый коллектив, одновременно и территориальный, и этнический. Однако никто не отрицает, что в крупных городах этничность или этническая солидарность может быть лишь одним из факторов взаимодействия людей, выстраивания коалиций, коллективов. Гораздо чаще мы видим, что этничность – далеко не самый главный фактор. Факторы поколенческие, гендерные, профессиональные гораздо более важны для выстраивания взаимодействия между людьми, особенно в крупном городе.

Я хотел бы сказать и о пользе многонациональности, или многоэтничности, культурной мозаичности. Есть некий постулат, что чем сообщество многообразнее, многокультурнее, тем богаче та или иная страна, это – богатство современной России. Более того, современная наука говорит и подтверждает, что чем человек культурно сложнее, чем больше знает языков, чем он больше вобрал в себя элементов различных культурных систем, тем он успешнее, богаче и интереснее. Это действительно так. Но есть не менее популярная формула о том, что

существует некий коренной устойчивой образ жизни, к которому люди привыкли, будь-то город или деревня. Этот образ жизни – основа традиции и залог благополучия, и всякое вмешательство, всякие разрушение его изнутри и извне вредны и оказывают негативное воздействие. Есть много академических или псевдоакадемических аргументов, что каждый этнос, чтобы сохранить свою чистоту, должен иметь не более 15 процентов смешанных браков в своем составе, иначе начинается эрозия этноса или внутри его образуются химеры, которые начинают разъедать, разлагать этнос изнутри. Есть представления, что вновь прибывающие элементы несовместимы с коренными жителями, они – носители другой цивилизации, других цивилизационных норм. Они не только разрушают сложившуюся здесь культуру, но и подвергают дискриминации, эксплуатации основное население. Особенно это имеет место в крупных городах, проецируется не столько на иноэтничных, сколько на новых жителей иммигрантского происхождения. Это старый миф, старый концепт. В нем есть некоторые очень слабые аргументы, и здесь надо разбираться, такой точке зрения надо противопоставлять более зрелые и трезвые оценки и подходы.

Ясно одно: смешение и миграция – всегда были условием развития. Об этом свидетельствует история человечества. Люди двигались, прежде всего, этим отличались городские сообщества, и всегда было смешение. Две трети сегодняшних москвичей – это те, чьи родители два-три десятилетия назад приехали в столицу и были новожителями. И если мы посмотрим на политиков, которые сегодня закатывает истерику и говорят, что Россия, в том числе и Москва, гибнет в результате иммигрантского нашествия, то сами-то они когда, откуда приехали? Вот это есть личностный, эмоциональный аспект, связанный с комплексом утверждения.

Я обратил внимание, что всегда люди из смешанных семей становятся самыми большими националистами, осетинскими, например, или еврейскими религиозными фундаменталистами, как наши бывшие советские эмигранты в Израиле. Этот феномен очень интересен. Не говоря уже о том, что за этими чувственными отношениями стоят не столько какие-то врожденные этнические или генетические установки, сколько коллективный и частный интерес, очень часто меркантильного, корыстного плана.

Не только Москва отличается антимигрантскими установками, фобиями, но и многие другие города. Я долгие годы занимался Северной Америкой, США и Канадой, в том числе иммигрантской проблемой и знаю, что каждая новая иммигрантская волна отдавала себя, жертвовала, подверглась сверхэксплуатации предыдущими миграционными волнами и доминирующим обществом.

Но они жертвовали, чтобы утвердить себя, чтобы их детям жилось лучше, а потом уже как бы отыгрывались на следующей волне вновь прибывших. Это такой коллективный эгоизм.

Поэтому когда спрашивают, как решить проблему миграции и антимигрантских фобий, я говорю: надо начать с себя. Я Митрофанову, посоветовал: у вас есть ЛДПРовский поселок, вы уберите из него сотню – две таджиков (я даже не ездил туда, не знаю, где он, но я уверен, что там не меньше 100–200 таджиков, узбеков, которые этот поселок обслуживают), вот уберите их, прекратите пользоваться услугами приезжих по ремонту квартир, уходу за детьми, готовке пищи. Начните с этого. От того, что мы сами, почти каждый из нас, недоплачиваем за труд гастарбайтеров и мигрантов, мы тем самым участвуем в системе сверхэксплуатации, а она возможна только в том случае, если мы держим этих людей в приниженном состоянии. Ведь если мы будем бороться за достоинство, за такие же права как у коренного населения, тогда надо и платить им столько же. Такое психологическое давление позволяет недоплачивать допустим, няньке-мигрантке, в отличие от того, если на эту работу будет взят кто-либо другой. Я уже не говорю про бюрократию, которая имеет прямые от этого взятки, это у всех на слуху. Но я говорю о более широком феномене, который воспроизводится и которым питается антимиграционизм и ксенофобия. Это – морально-этическая проблема фактически всего общества, о которой мы почти не говорим.

Подчеркну: это не только проблема Москвы или других крупных российских городов. Это проблема мировая. Кажется, в 1992 году весь центр Лос-Анджелеса (Даун-таун) был разгромлен стихийными выступлениями, утратой контроля со стороны милиции и общества неорганизованной толпой, которая состояла в основном из представителей этнорасового меньшинства – афроамериканцев, а также выходцев из Пуэрто-Рико и Мексики. Это был огромный оптовый рынок в центре Лос-Анджелеса. Сейчас его не существует. Все было сметено абсолютно, армия была введена. Европейский парламент тогда принял резолюцию «Вторжение американской армии в Лос-Анджелес». Это тогда навело меня на мысль, что бывают ситуации массового выхода из правового пространства, которые основаны на таком взрыве, стихийном бунте, выступлении, мобилизация которых происходит на этнической, религиозной или расовой основе.

Мы знаем и другие случаи. В Индии (Аёччо), где лет десять назад был разгромлен сначала индуистский, а потом мусульманский храмы, и жертв было несколько сотен. Мы знаем разделенные города, когда видели стену, которая разделяет уже почти 20 лет Ольстер и Белфаст в Северной Ирландии. Или вот последнее – массовые выступления в пригородах Парижа. Мы часто стараемся все, что происходит в мире, сейчас же на себе примерить: вот и у нас это же будет, вот обязательно сейчас будет! Конечно, такая эмоционально-драматическая реакция, такое апокалиптическое карканье саморазрушительно и обезоруживающе. События, которые происходят в мире и кажутся нам похожими, надо более адекватно анализировать и самое главное – извлекать уроки из того, как, столкнувшись с тем или иным кризисом, который нам кажется сходным с

нашим, те ли иные политики, общества выходят из создавшегося положения.

Наблюдая ситуацию в Москве в течение 15 последних лет с точки зрения профессионального интереса, могу сказать: Москва, прежде всего, благодаря ее правительству, один из немногих крупнейших мегаполисов мира, где этническое, религиозное многообразие достаточно мирно, успешно уживается, причем с грандиозной пользой для развития этого мегаполиса. Я не знаю примера в истории других стран, по крайней мере, в XX веке, в его второй половине, чтобы такой огромный город за десять лет полностью преобразился с точки зрения многих своих улучшений – инфраструктуры, сферы обслуживания, питания, транспорта, в том числе и качества жилья. Эти грандиозные преобразования, трансформации не всегда адекватно воспринимаются, тем более как позитивные, так как общество перегружено переменами. Социологи знают такой феномен перегрузки общества переменами, когда даже позитивные перемены могут восприниматься как негативные. Привычный образ жизни, пусть он и беднее, но требует меньше решений принимать, меньше крутиться нужно, а поэтому он кажется проще и лучше. И это не только поколенческая ностальгия. Здесь есть еще и индоктринация, которая идет со стороны старого поколения или политическая zaangażированность со стороны политической оппозиции, или части экспертного сообщества, которое не чувствует себя участником этих преобразований. Эта индоктринация влияет на журналистов. В СМИ работают в основном люди молодые. Они сами мало что видели, поэтому воспринимают дословно такие утверждения, что страна вымирает, что в Москве полмиллиона бездомных детей. Сами они не видели, кто и где умирает, но с удовольствием повторяют, что у нас бездомных больше, чем в гражданскую войну и т.п. Хотя я, вернувшись месяц назад из Нью-Йорка и Вашингтона, могу засвидетельствовать: по сравнению с Москвой большей нищеты и безысходности не видел, перешагивая через каждые сто метров через спящего на улице гражданина США. Да, конечно, можно встретить бездомных, маргинальных людей, особенно в районе вокзалов, но так чтобы на каждом углу каждый уголок квартала со всех четырех сторон был занят людьми, которые спят в коробках, – такого я не видел. Тем не менее, никто не говорит, что Америка вымирает, умирает, что США катится в пропасть.

Повторю: Москва за последнее десятилетие продемонстрировала грандиозный прорыв. Он стал возможен в условиях рынка, либерализации, эффективного управления, но при этом нельзя забывать, что здесь сосредоточены люди с разными взглядами, умениями, подходами, традициями. Да, немножко турки уродовали архитектурный облик Москвы своими башенками, но это поправимо. Но то, что они здесь построили, и все это за 10-15 лет, – это, конечно, грандиозный прорыв.

За все эти годы в российской столице не было массовых беспорядков коллективного характера, за исключением случая в Лужниках, когда

перекрыли Комсомольский проспект представители азербайджанских торговцев (я даже не могу сказать, что общины). Других таких массовых крупных выступлений я не знаю. Это говорит о том, что Москва – это достаточно толерантный город и этому надо отдать должное. Если мы не будем говорить об этом, утверждать это, не выделять это, не писать про это, не изучать это, тогда и ориентиров нет. То, что в Москве в последние годы утверждаются такие фобии в отношении лиц с Кавказа, из Средней Азии и иммигрантов, я рассматриваю не только как реакцию основного населения, которое склонно порой проецировать свои проблемы на присутствие других, объяснять тем, что другие во всем виноваты. Когда-то евреи были во всем виноваты, теперь азербайджанцы и узбеки, и в наркотиках, и в ценах, и в грязи, и в болезнях. Дело в том, что есть еще, и на это нужно обратить внимание, воздействие со стороны тех, кто производит эти субъективные представления. Это научное сообщество, это масс-медийное структурное сообщество и, конечно, политики. Они хотя и составляют 3–5 процентов населения, но формируют представления людей. Надо понимать, что все опросы общественного мнения – это не что иное, как мы замеряем реакцию, успешно ли я или друг мой выступил неделю назад или вчера вечером по телевидению или нет. Не говоря уже о том, как формулируют вопросы для таких исследований. Если вы будете задавать вопрос: «Как вы относитесь к людям другой национальности?», я знаю ответы заранее. Вместо того, чтобы задать нейтральный, косвенный вопрос, касающийся общения, о том, кого человек знает, с кем контактирует, кто у него бывает в гостях, с кем у него дети дружат или он сам, мы спрашиваем об *отношении* к людям *другой* национальности. И если мы внимательно проинвентаризируем тот инструментарий, с которым мы работаем, мы даже в себе найдем очень много того, что должно уже меняться.

Вот я, помню, еще лет десять назад про это говорил, сейчас бы в суд на «Известия» подал, на самую уважаемую газету, только за то, что считается общепринятым, во всех сводках, информациях или сведениях о судебных процессах, об арестах или о преследованиях национальность подсудимого сообщается, а национальность судьи, свидетеля, суда присяжных почему-то нет. Вот цыгане, братья цыгане, их осудил первый суд присяжных в Ростове лет десять назад, а вот кто арестовал, кто статью написал?... Вот он бы указал: я, украинец, статью пишу, так нет, он просто фамилию указывает, он не подписывает, что он журналист, украинец такой-то, но обязательно укажет, что у него подсудимый украинец.

Эта чувствительность, она не всегда нами сознается, а вот то, что она воздействует на людей напрямую или косвенно, – это факт. Вот, кстати, чего я опасался в связи с событиями во Франции. В человеке есть эта способность обезьянничания – способность повторять, имитировать, это часть поведения любого животного существа, в т.ч. социального существа, которым является человек. Поэтому обезьянничание по поводу изготовления коктейлей молота, поджигания машин для меня было самым

тревожным во всех этих репортажах, реакциях, обсуждениях, объяснениях того, что происходило во Франции. А вот кто этим мог бы воспользоваться? Как раз этим могли воспользоваться, к счастью, этого не произошло, совсем другие – скинхэды, ультраправые и т.д., как раз для того, чтобы изгнать меньшинства, чтобы не допустить подобного повторения, как в Париже, чего-то подобного в Москве. Вот эта проблема имитации и использования методов разрушения, насилия, она недостаточно нами оценивается и на это нужно обратить внимание. Ну и, конечно, в Москве есть вещи, которые нужно и дальше разрабатывать и утверждать, прежде всего, конечно, правовые аспекты.

Конечно, правонавязывание является основным ключом, вот эти все миротворчество, толерантность – это все очень важно, мы этим занимаемся, но это следует после того, как общество и государство осуществляют главную свою функцию – заставляют людей жить по правилам, по законам, без этого нет ни одного человеческого общества. Вы знаете, пилигримы, которые приблизились на корабле «May flower» к берегам Америки, прежде чем высадиться на берег, написали документ, который явился предтечей американской Конституции «May flowers agreement» (Мейфлауэрское соглашение), где они написали некоторые нормы и правила, по которым собирались жить. Если бы они не сделали этого, они могли бы себя перебить. Сегодня установлено, что первые поселения викингов в Ньюфаундленде в Канаде погибли, исчезли не из-за того, что им не хватило пищи, и не из-за того, что их местные аборигены уничтожили, а из-за внутренних споров и распрей, сами себя перебили.

Поэтому правонавязывание и исполнение закона – это первейшая функция, основа основ. Если этого не будет, то массовый выход из правового пространства станет тривиальным явлением. Правопорядок первичен по отношению к той форме, в которой он осуществляется. Демократия, авторитаризм и т.д. – все это потом, сначала порядок надо определить, а уже потом можно говорить, лучше он или хуже, т.к. без порядка, без законов, без норм не может существовать человеческое общество. Поэтому в этом отношении обеспечение прав, норм правопорядка и закона в стране, а тем более в сложных мегаполисах, является основой основ.

Но не только следует навязывать правопорядок и обеспечивать его. Надо внедрять в общество установки толерантности на взаимодействие, открытость. Сфера этничности, межрелигиозного, межэтнического взаимодействия в значительной мере символическая, а не генетическая вещь, поэтому методы воздействия и управления тоже должны носить символический, идеологический характер, т.е. характер воздействия, убеждения.

Однако упрощенные, примитивные формулы, установки и принципы усваиваются гораздо легче, чем установки, связанные с толерантностью. Ведь что такое толерантность? Это не просто терпение. Терпимость – осознанная, воспитанная установка, это не от того, что я спокойно

выношу, что рядом с церковью стоит мечеть. Терпимость – это когда я, представитель русского православия, помогаю своим соседям-мусульманам мечеть строить, а они в свою очередь оказывают помощь мне. Толерантность – осознанное действие, активная установка, поэтому она дается не так просто, требуется определенный образовательный уровень, определенная подготовка, но в России население достаточно образованное.

Впрочем, уровень образования и воспитанности может придать еще более изощренный характер нетерпимости, еще более изощренные аргументы и обоснования этих позиций. Поэтому здесь есть свои сложности. Если внедрить в голову, которая представляет собой *tabula rasa*, т.е. в голову недостаточно образованного, информированного человека, простенький ваххабитский постулат или брошюрку в десять листов «Азбука русского национализма», то они там запечатлеются настолько сильно, что потом придется его заставить прочитать сто книг, чтобы выдолбить это из головы. Путь в экстремизм, интолерантность, террор, террористские или экстремистские доктрины гораздо проще, чем путь назад. Поэтому задача, которая перед нами стоит, конечно, очень сложная, но я надеюсь, что мы с ней справимся.